общественной жизни, но и в неменьшей степени на заключенном в произведениях художественном анализе социально-духовной природы человека в самом широком смысле этого определения, с особым выделением нравственной проблематики, столь характерной для произведений современной советской литературы, литератур стран социализма, а также писателей-реалистов западного мира.

Человек, понимаемый в социальном, а не в антропологическом смысле, как всем общественно-духовным бытием формируемый индивид, «взят», втянут в саму специфическую сердцевину литературы (искусства), он «ядро», в равной мере формирующее ее содержание и форму; последняя уже в силу этого причастна сфере социологического анализа.

В произведениях литературы выявляется социальной человык, во всем объеме и сложности, этим понятием подразумеваемыми: человек со всем разнообразием его духовной жизни, в противоречиях его чувств и мыслей, в отношениях с обществом, во внутренней жизни и внешнем поведении. А от этих последних тянутся нити, связывающие индивидуальность с историческими условиями бытия, историческими перспективами, характеризующими общественную атмосферу, борьбу идей, накал политических столкновений — включенность во все это определяет полноту индивидуальности, а тем самым оказывается принципиально неотделимым от специфического способа художественного познания.

К этим положениям советской методологии мы будем обращаться и в дальнейшем, поверяя ими идеи, разрабатываемые в трудах некоторых буржуазных исследователей.

Еще в 20-х годах Макса Вебера интересовала не только судьба культуры и ее институтов, но и судьба человеческих индивидов, «последнего человека этого культурного развития», при котором все человеческое гибнет в бесчеловечном мире: «в специалистах без души, в людях наслаждения без сердца» [2].

Эта фраза весьма показательна: сам способ выражения говорит о том характерном вторжении в близкую литературе «человеческую», индивидуально-личностную, не собственно-социальную, а нравственно-психологическую сферу, которое совершается многими учеными-социологами культуры и искусства именно XX в.[3] Одной из иллюстраций этого может служить преемственность между обозначенной в приведенной фразе проблематикой М. Вебера и тем прямым продолжением, которое получает она в книге «Одномерный человек» Г. Маркузе, вышедшей 40 лет спустя (1964 г.) и сконцентрированной на вопросе отношения индивида и общества на нынешнем этапе буржуазного общества. Этот же аспект характерен для многих теоретиков.

«Человек в некоей ситуации — вот изначальная формула любой проблемы, выдвигаемой Фроммом»,— замечает советский исследователь, говоря о трудах этого влиятельного американского философа, психолога и социолога. И здесь же формулирует естественно возникающее обобщение: «Но точно так же „ориентирована“ по существу и художественная литература, исследующая различные состояния человеческого духа и дающая, таким образом, основания для некоторых теоретических констатаций» [4].

В этом смысле интересно сопоставить такие однотипные по своей задаче и методике исследования, как напечатанная в 1938 г. в «American Sociological Review» работа Р.-А. Инглиз «Отношение между литературой и обществом в объективном рассмотрении», и статья современного немец-

---

[2] «Max Weber und die Soziologie Heute». Ver. d. 15. (West-)Deutschen Soziologentages. Tub., 1965, S. 161 u. a.

[3] См. *Корф Г.* Критика теории культуры Г. Маркузе. «Прогресс», 1975, с. 12.

[4] *Гуревич П.* Антропологизм Эриха Фромма как эстетическая проблема.— Сб. «Теории. Школы. Концепции». М., «Наука», 1975, с. 177.